

В. С. Листов

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОМ ПРЕДКЕ

К биографии своего предка по материнской линии Абрама Петровича Ганнибала Пушкин испытывал, как известно, постоянный интерес и возвращался к подробностям ее многократно и по разным поводам. Если вспомнить, что еще в 1817 г. в псковской деревне недавний выпускник лицея расспрашивал своего двоюродного деда о черном предке, а два десятилетия спустя придворный историограф отыскивал всякую строку об африканском сподвижнике Петра I, то станет ясным: вся жизнь Пушкина прошла под знаком самого высокого уважения к этой исторической личности.

Надо ли напоминать о том, как могучая фигура Абрама Ганнибала выступала на страницах пушкинских произведений — от «Евгения Онегина» и «Арапа Петра Великого» до «Моей родословной» и «Опыта отражения некоторых нелитературных

обвинений»? Написано об этом много¹. Однако тема и до сих пор не кажется исчерпанной.

В сознании поэта «царский арап» был персонажем объемным и многозначным — это очевидно. Пушкин не был бы Пушкиным, если бы в размышлениях своих ограничивался только реальным, документально достоверным Ганнибалом. Сколько бы ни занимали его факты из жизни «негра безобразного», все же поэт и философ порою должны были торжествовать здесь над историографом. Поэтому, предполагаем мы, образ Ганнибала слагался у Пушкина как некое многогранное единство, возникающее на скрещении истории и современности, фактографии и мифологии, прозы и поэзии.

В этом смысле весьма показательно одно пушкинское замечание из «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений». Оно навеяно известным случаем: Булгарин в «Северной пчеле» наносит едва замаскированное оскорбление памяти Ганнибала. На это Пушкин откликается так: «В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой (<...>) был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался шкиперу, коего имя всякий русской произносит с уважением и не всуе». Это о Петре. И далее о Булгарине: «... не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» (XI, 153).

Таким образом, Ганнибал назван в первый раз среди «лучших сограждан», а во второй — среди «праотцев». Несходные смысловые ряды, в которых упоминается царский арап, различаются здесь совершенно ясно. Первое определение вполне естественно звучит под пером гражданского историка, публициста, литератора. Второе влечет за собой совсем иной круг ассоциаций. Недаром же Пушкин так редко, так осмотнительно им пользуется. Только еще однажды² решается он назвать «праотцами» Кочубея и Искру — в финале «Полтавы»:

Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;

¹ Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллин, 1980; Телетова Н. К. К «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала//Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 272—285; Сергеев М. Сибирские злключения Арапа Петра Великого//Ангара. Иркутск, 1970. № 6. С. 56—87; см. также: Малеванов Н. А. Прадед поэта//Звезда. 1974. № 6. С. 156—167; Козмин Б. М. «В деревне, где Петра питомец...»//Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 167—171; Букалов А. Роман о царском арапе. М., 1990.

² Лицейские строки Пушкина о «праотце Фатаме», конечно, не могут считаться серьезным словоупотреблением (XVII, 15).

Они о праотцах казенных
 Доныне внукам говорят.
 (V, 64)

Понятие «праотцы» тяготеет к легендарной старине. Словарь В. И. Даля определяет прародителей как «первую известную по родословной чету, от коей вышел род, поколение, дом, колено». В церковном календаре «неделя праотцев» отмечается перед праздником Рождества. Пушкин отчетливо различает отцов как предков вообще и праотцев как основоположников рода, как святыню — церковно-славянское окончание в родительном падеже: «праотцев» — усиливает здесь этот смысловой оттенок.

Когда же речь идет просто о предшествующих поколениях, Пушкин тщательно избегает приставки «пра» к словам «отцы», «родители». Например, в «Евгении Онегине»:

...отослать его к отцам
 Едва ль приятно будет вам.
 (VI, 131)

Но в том же романе:

О люди! все похожи вы
 На прародительницу Эву.
 (VI, 177)

Осмысление Ганнибала как праотца знаменательно. Оно обязывает Пушкина ко многому. Древний культ предков, хотя бы и облагороженный веком Просвещения, вступает в свои права. Недаром же литературный противник обвиняется не просто в неуважении старины, но в загрязнении «священных страниц».

Следовательно, история рода разворачивается и как священная история.

Для людей пушкинской поры и пушкинского круга мысленное восхождение от ситуации частного быта к высоким аналогиям из священной истории было нетрудным, в порядке вещей. Традиция прямого соотнесения горнего и дольного вела к истокам культуры — уже первоначальные русские летописи, известные Пушкину и по Карамзину, и в оригиналах, предваряли реальную историю изложением «событий» от сотворения мира, согласованным с библейскими текстами. Эта неразделимость «священных страниц» и хода исторического времени помогала видеть в фактах современности и близкого прошлого прямую аналогию идеальным примерам.

В «Сценах из рыцарских времен» такой мотив хорошо слышен в диалоге Франца и Бертольда. Первый жалуется на нера-

венство, которое несправедливо,—ведь все произошло от Адама. А второй отвечает, что Каин и Авель «не были равны. (...) В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть» (VII, 220). Подразумевается, что в последующих семействах повторяется то же, что было в начальных, у праотцев.

Поэтому судьба Ганнибала могла быть для Пушкина не просто фактом реальной истории, но и некоторой аналогией общеизвестным «священным страницам». В культурно оформленном сознании того времени само имя предка (Ибрагим — Авраам) намекало на праотцовство, на богоизбранность потомства. Разумеется, прямая аналогия тут и заканчивается. Ибо ничто, кроме имени, кажется, не связывает царского арапа с тезкой-патриархом.

Однако достойны внимания некоторые подробности бытования имен в семействе Ганнибала, подробности, прекрасно Пушкину известные. Так, Петр I при крещении мальчика дал ему свое имя, т. е. Петр. Но арап не согласился, и «так как прежде, на родине, его именовали Ибрагимом (что по-арабски значит Авраам (...), то) по общей привычке» звали его Авраамом³.

У Ганнибала было 11 детей. Три его младших мальчика, «сыновья старости», родившиеся, когда отцу шел пятый-шестой десяток лет, носили имена: Осип (Иосиф), Исаак, Яков (Иаков)⁴. Цепочка имен от Авраама до Иосифа вряд ли могла быть выстроена случайно, вне ориентации на «священные страницы». При этом любопытна аналогия между биографиями прадеда и деда Пушкина. Первый был крещен Петром, а назывался Авраамом. Второй получил при крещении имя Януарий, но прожил жизнь под именем Осип (Иосиф)⁵. Отсюда имя матери Пушкина — Надежда Осиповна. Кажется, сама судьба не дает роду отступить от традиционного ряда имен.

Итак, родной дед Пушкина зовется Осип, т. е. Иосиф. Это имя, согласно библейской истории, носит правнук Авраама, «сын старости» Иакова и Рахили. Легенда об Иосифе Египетском должна была осознаться Аврамом Ганнибалом как священная аналогия его собственной судьбе.

Исходным моментом библейского повествования об Иосифе служит, как известно, продажа в рабство. Старшие братья юно-

³ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 52.

⁴ *Леиц Г.* Абрам Петрович Ганнибал. С. 169.

⁵ В своем «Начале автобиографии» Пушкин связывает перемену имени с трудностями, которые имя Януарий могло вызывать у жены арапа с ее немецким произношением (XII, 313).

ши, завидуя той любви, которую их отец питает к младшему, продают Иосифа купцам-измаильтянам. Из рук измаильтян невольник переходит в руки египтян. В Египте же после многих злоключений Иосиф становится ближайшим советником фараона.

Совпадение легендарной судьбы Иосифа с реальной судьбой Ганнибала было совершенно очевидно и для него самого, и для всех, кто ознакомился с основными вехами его биографии. Рабство Иосифа у измаильтян находилось в прямом соответствии с невольничеством юного Ибрагима у турок в Константинополе. А служение фараону на далекой чужбине явно перекликалось со службой проданного арапа русскому царю.

Мысль Пушкина должна была сближать «праотцев» Иосифа и Ибрагима; утверждать это можно не только на основании общих соображений, хорошо подытоженных самим поэтом: «Я слишком с Библией знаком» (II, 291). Есть и конкретное свидетельство такого сближения. Как известно, одним из главных источников, которыми Пушкин пользовался, изучая жизненный путь прадеда, была биография царского арапа, написанная немецки мужем младшей дочери А. П. Ганнибала Адамом Карповичем Роткирхом⁶. Этот текст, созданный несколько лет спустя после смерти А. П. Ганнибала, несомненно, отражает семейное предание. В нем есть важный эпизод, повествующий о попытке африканской семьи вернуть мальчика на родину. Вот как об этом пишет автор «Немецкой биографии»: «В это время (А. П. Ганнибала.— В. Л.) правящий сводный брат, я думаю, побужденный тогда еще живой матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что этот сводный брат еще находится в Константинополе в качестве заложника, захотел его выкупить через посредство других, и выполнение этого поручил одному из своих младших братьев; последний отправился по следам увезенного нового Иосифа»⁷.

В переводе — а точнее, в пересказе — Пушкина это место записано так: «В сие время брат его, полагая его в Конст(антинополе) и вероятно побужденный к тому матерью сего последнего, послал братиев для искупления сего нового Иосифа»⁸.

Сличение немецкого текста с пушкинским выявляет два существенных для нас обстоятельства.

Во-первых, и в целом, и в интересующем нас месте пересказ Пушкина заметно короче оригинала. От неважных подробностей Пушкин отказывается. Но сравнение предка с библей-

⁶ См.: *Телегова Н. К.* К «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала. С. 277—278.

⁷ Рукою Пушкина. С. 52.

⁸ Там же. С. 36.

ским Иосифом Пушкин не упускает; оно важно и потому сохраняется в пушкинском тексте.

Во-вторых, сопоставление приведенных мест убеждает, что Пушкин не следует за фактами рабски. «Немецкая биография» утверждает, что старший брат невольника поручает его освобождение «одному из своих младших братьев». Пушкин же переосмысливает ситуацию: «послал братьев». Тем самым повествование чуть удаляется от оригинала и чуть приближается к библейской версии. Формула «Иосиф и его брат» как-то нетрадиционна; зато «Иосиф и его братья» вполне в русле традиции. Век спустя так будет назван известный роман Т. Манна.

Мотив, сближающий мальчика Ибрагима с юным Иосифом, находим в одном из вариантов примечаний Пушкина к главе первой «Евгения Онегина», где автор пишет: «До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен...» (VI, 654). Подобно ветхозаветному Иакову, отец любит и балует младшего из сыновей в ущерб отношениям со старшими. И так же, как Иаков, вынужден расстаться именно с ним.

Итак, семейное предание Ганнибалов, восходящее к самому герою, рекомендует его как «нового Иосифа». Для Пушкина такое сопоставление полно жизни и смысла. Можно для сравнения вспомнить его суждение о Гавриле Пушкине, действующем лице трагедии «Борис Годунов», — «один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах».

Сложный сплав «истории» и «семейных бумаг» мог участвовать и в создании образа другого пушкинского предка — Ганнибала. И, следовательно, аналогия царского арапа и библейского праотца⁹ способна как-то отразиться в сознании Пушкина, как-то повлиять на его творчество.

Для нашей темы будет важна еще одна черта, сближающая реальный жизненный путь Абрама Ганнибала с ветхозаветным мифом. Дело в том, что, как пишет современный исследователь, «во всей истории Иосифа особую роль играют вещие сны, при

⁹ Пушкин, несомненно, знал и еще об одном русском аналоге Иосифа Египетского — им был князь Александр Невский, причисленный к лику святых как заступник своего народа перед Золотой Ордой. Подобно тому как Иосиф отводил от евреев гнев фараона, так Александр защищал русских от произвола татарского хана. Поэтому тропарь на празднование перенесения мощей святого в Петербург в 1724 г. гласил: «Познай свою братию, Российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий, благоверный Княже Александре, и прими моления их...»

этом Иосиф выступает то как „сновидец“, то как толкователь снов»¹⁰. Мальчик рассказывает братьям свои сны, недвусмысленно намекающие на его, Иосифа, первенство в роде: «... вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу» (Быт. 37:7). Это и служит непосредственным поводом продажи мальчика в рабство. Сон оказывается вещим: старшие братья в голодный год придут на поклон к младшему и попросят хлеба. В Египте сновидческая линия Иосифа продолжается: он верно толкует сны опальных фараоновых вельмож, а затем и сны самого фараона — о семи тучных и семи тощих коровах. Именно правильная интерпретация снов делает Иосифа доверенным лицом монарха, его ближайшим советником.

Впрочем, ветхозаветный сюжет более чем знаменит и не нуждается здесь ни в дальнейшей детализации, ни даже в обсуждении. Он упомянут только потому, что в «Немецкой биографии» А. П. Ганнибала есть мотив, живо напоминающий миф об Иосифе-сновидце. Вот что читал в ней Пушкин о своем прадеде: «Что касается Ганнибала, то он спал в дополнительном кабинете государя, в токарне, и вскоре сделался во многих важных случаях секретарем своего государя; у последнего над постелью всегда висело несколько аспидных досок; <как бы он ни был утомлен от дневных трудов и как бы ни нуждался в покое, его великий дух, вечно деятельный во благо подданных, этот почти никогда не отдыхающий дух, часто будил его и поддерживал в бодрствующем состоянии;> и тут в темноте, без света, записывал он по вдохновению важные и длинные проекты; наутро его питомец должен был эти заметки переписывать начисто и после надлежащего подписания рассылать их по коллегиям <и соответственным учреждениям в качестве новых законов и повелений для исполнения> <...> Монарх <...> убеждался в способностях этого юноши, <которые предвещали больше, чем судьбу писца...>»¹¹.

Это место биографии в записи Пушкина читается куда более энергично и опять несколько приближается к «священным страницам»: «Ган<нибал>, неразлучный с Императором, спал то в его кабинете, то в его токарне и вскоре потом сделался тайным секретарем своего Имп<ератора>. — Государь имел всегда над своей постелью Аспидную доску; государь писал ночью приходившие ему мысли, а Ан<нибал> утром переписывал и рассылал по разным коллегиям. Государь был день ото дня более убежден дарованиями сего юноши...»¹²

¹⁰ Аверинцев С. С. Иосиф прекрасный//Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 555.

¹¹ Рукою Пушкина. С. 51—52.

¹² Там же. С. 35—36.

Отступления Пушкина от использованного источника опять весьма многозначительны. Молодой арап, соучаствующий в законодательном сновторчестве Петра, назван тайным секретарем — такой должности, как известно, не было. На легенде, творимой поэтом, могли отразиться чуть более поздние исторические реалии: например, чин тайного советника в Табели о рангах (1722) или даже существование высшего имперского учреждения — Верховного тайного совета (1726—1730). Так ли, иначе ли, но Пушкин совершенно пренебрегает намеком немецкого источника на роль писца, с которой начинается служба юного арапа при государе. Более того. Текст «Немецкой биографии» сообщает, что ночные вдохновения Петра становились законами лишь «после надлежащего подписания». А Пушкин, следуя своей логике, опускает этот момент. И тем возносит своего предка на головокружительно высокую ступень государственности. Разумеется, поэт бесконечно далек от чванливого преувеличения роли своего прадеда. История рода, создаваемая как параллель священной истории, действительно требует наполнения будущей формулы «царю наперсник, а не раб» (III, 263).

Тот же мотив Пушкин знал и по другому источнику — анекдоту, записанному И. И. Голиковым. С многотомной голиковской историей Петра поэт познакомился не позднее середины 1820-х годов,¹³ и рассказ, записанный со слов самого предка, несомненно запомнил: «Сей российский Ганнибал, между другими дарованиями, имел чрезвычайную чуждость, так что, как бы он ни крепко спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал. Сия чуждость его была причиною, что монарх сделал его своим камердинером и повелевал ночью ложиться или в самой спальне, или подле оной.

Сей Ганнибал сам предлагал нам сей анекдот, рассказывая всегда оный со слезами, то есть что не проходило ни одной ночи, в которую бы монарх не разбудил его, а иногда и не один раз. Великий сей государь, просыпаясь, кликавал его: „Арап!“ — и сей тотчас же отвечивал: „Чего изволите?“ — „Поддай огня и доску“ (то есть аспидную, которая с грифелем висела в головах государевых). Он подавал оную, и монарх пришедшее себе в мысль или сам записывал, или ему приказывал и потом обыкновенно говорил: „Повесь и поди спи“¹⁴. Поутру же неусыпный и попечительный государь обдѣлывал сии свои мысли»¹⁴.

¹³ Фейнберг Илья. Незавершенные работы Пушкина. 7-е изд. М., 1979. С. 86.

¹⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... 2-е изд. М., 1843. Т. 15. С. 156—157.

Пушкин и здесь, как и в случае с «Немецкой биографией», внимателен и к месту арапа при Петре, и к принижению роли предка. Один из своих полемических пассажей Пушкин снабжает характерным примечанием, относящимся к приведенному тексту: «Голиков говорит, что он (арап. — В. Л.) был прежде камердинером у государя. <...> Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров...» (XI, 153). Человек царского рода, чья биография сходствует с судьбой праотца Иосифа, не может, не должен восприниматься в ряду с обыкновенными слугами. Тут Пушкин стоит твердо.

Отзвук полулегендарной ситуации, в которой черный «тайный секретарь» записывает и толкует мысли государя, пришедшие во время сна, есть и в незаконченном романе Пушкина о царском арапе. В конце второй главы автор помещает эпизод, в котором Петр спит после обеда, а проснувшись, обращается к Ибрагиму: «„Посмотрим <...> не позабыл ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною“. Петр заперся в токарне и занялся государственными делами. <...> Потом выходя из токарни сказал Ибрагиму: „Уж поздно; ты, я чай, устал: ночуй здесь, как бывало в старину...“» (VIII, 11—12).

Но почему так существенна для нас связь между ролью праотца Иосифа как сновидца, толкователя снов фараона и «должностью» арапа, расшифровывающего «сны» Петра? Видимо, потому, что Пушкин отождествляет себя с предком — подчас, быть может, и подсознательно¹⁵.

Давно замечено то особое место, которое сны, сновидения занимают в поэтическом мировосприятии Пушкина. Еще М. О. Гершензон показал, что сон, забвение осознаются Пушкиным как некое особое творческое состояние души, глухой к «затемям суетного света», но зато открытой всему возвышенному, истинно поэтическому¹⁶. Особенно ясно это над страницами «Евгения Онегина». Главные герои романа являются автору в «смутном сне» (VI, 190); «среди поэтического сна» (VI, 140) приходят видения прошлого, образы дальних стран; верит «снам» Татьяна (VI, 99), и знаменитое сновидение едва ли не главное средоточие ее поэтического характера; да и сам

¹⁵ Недаром же, например, болгаринский выпад против Ганнибала поэт принимает как оскорбление, нанесенное ему, Пушкину, лично. Не чужд Пушкин и прямому самоотождествлению с библейским патриархом — дважды в письмах он сравнивает себя с Иосифом, ускользящим от несправедливой женской любви (XIV, 74; XV, 30).

¹⁶ См.: Гершензон М. Сон и явь//Гершензон М. Статьи о Пушкине. М., 1926.

поэт рожден для «творческих снов», оживающих в глуши (VI, 28).

«Более 30 раз в романе слова „сон“, „забвение“ и производные от них встречаются именно в значениях, определяющих внутреннюю жизнь»¹⁷.

Когда Пушкин при всякой возможности упоминает и подчеркивает в мифологизированной биографии Ганнибала роль, близкую к истолкованию снов, то тут, вероятно, можно видеть намек не только на кровное родство с царским арапом, но и на некую тесную духовную связь потомка с предком. Цикличность, повторяемость того, что происходит с праотцем и с ним самим, — это должно быть ясно для Пушкина.

Например, интересно проследить, как с течением времени в сознании поэта образ Ганнибала меняется, играет новыми смысловыми оценками. Сперва, в молодости, Пушкин, по-видимому, ощущает черного прадеда как некую странность, как курьез, отличающий его род по материнской линии. Отсюда очень понятная игра в африканские страсти, так что друзьям приходится «сдерживать и обуздывать кипучий темперамент потомка Ганнибала»¹⁸. Даже еще в начале 1825 г. Пушкин пишет брату: «Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы» (XIII, 143).

Междуцарствие 1825 г., восстание декабристов и события, за ним последовавшие, отмечают собою важнейший поворот в биографии и творчестве Пушкина. Одним из многочисленных знаков этого поворота можно считать новое, куда более серьезное и обязывающее отношение к праотцу Ганнибалу, к причудливым зигзагам его жизненного пути.

Если александровская эпоха прошла под знаком преимущественного государственного почитания Екатерины II, то Николай I воцарился с именем Петра Великого на устах. Возрождая в полной силе культ царственного реформатора, Николай не прочь был поиграть в нового Петра. В кремлевской беседе с Пушкиным в сентябре 1826 г. эта роль венценосному актеру, по-видимому, удалась. На некоторое время поэт поверил тому, что новый император олицетворяет петровское наследие. Эта вера получила скорое подтверждение — царь приказал Пушкину составить записку «О народном воспитании». Для Пушкина

¹⁷ *Тархова Н. А.* Сны и пробуждения в романе «Евгений Онегин» // *Болдинские чтения. Горький, 1982.* С. 55.

¹⁸ *Мушина И. Б.* Пушкин и его эпоха в переписке поэта // *Переписка Пушкина: В 2 т. М., 1982.* Т. 1. С. 9.

чуть забрезжила личная ситуация, определяемая формулой «царю наперсник, а не раб».

Как тут было не вспомнить о предке! Если Николай — новый Петр, то ничто не мешает Пушкину сознавать себя новым Ганнибалом. Советником. Сподвижником. Тайным секретарем. Помощником державных вдохновений. Этой творимой легенде как нельзя лучше соответствовали «Стансы» и особенно роман о царском арапе.

Любопытно наблюдать, как в исторической прозе, где действие развивается от Пушкина век тому назад, звучат вполне современные автору мотивы. Пушкин не останавливается на детских годах своего героя — он прямо начинает с поездки Ибрагима в чужие края. Вся первая глава и даже начало второй посвящены Парижу, молодым безумствам Ибрагима, временному забвению его долга перед Петром и Россией. Прежде чем вернуться, подобно блудному сыну, к своему крестному, арап проходит полосу парижских искушений. Аналогия с молодым Пушкиным на юге тут явно напрашивается.

Возможно, здесь одна из причин, по которым автор не завершил своего романа о царском арапе. Довольно скоро Пушкин начинает догадываться, что император вовсе не подобен пращуру; исторические параллели «Петр — Ганнибал», «Николай — Пушкин», уже исходно шаткие, все более тускнеют, выветриваются. Кроме того, фигура революционера Петра в сознании поэта день ото дня растет и усложняется; его эпоха становится равной по сложности и кровавости всей мировой истории. А личность Николая I мельчает, падает в глазах Пушкина с каждым нерыцарственным поступком. Прапорщик постоянно берет верх над Петром Великим, и с какого-то времени уже нет ни повода, ни смысла напоминать о праотческой идиллии: идеальный наперсник на службе у идеального государя.

Уже в «Полтаве» Пушкин не следует своему же собственному совету, обращенному к Рылееву, — в поэме нет «арапской рожи» прадеда рядом с «ужасным ликом» царя. Нет подробностей о Ганнибале и в подготовительных материалах к «Истории Петра» — два незначительных упоминания в перечнях имен, конечно, не в счет (X, 4, 269).

«Священные страницы летописей» молчат.

В последние годы жизни Пушкин, как и в молодости, остается верен высокой истории рода. Но теперь поэта прежде всего занимают личные свойства предков, а не их служба властям, более или менее тираническим. Не позднее 1834 г. Пушкин «возвращается к оппозиции»¹⁹ — не потому ли из его писаний

¹⁹ Вульф А. Н. Из «Дневника»//А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 421.

и разговоров почти исчезают воспоминания о Пушкиных, приложивших руку к возведению Романовых на царство? Не потому ли мысли о черном предке все реже возвращаются в круг разысканий о Петре I, но все чаще приводят к шекспировскому Отелло?

Конечно, это совсем другая тема. И не здесь ее начинать. Но все-таки попутно можно заметить, что, выстраивая линию «мавр — арап — Пушкин», поэт подчеркивает, что герой Шекспира «не ревнив — напротив: он доверчив» (XII, 157). Суждение глубокое, вряд ли сводимое к одним лишь свойствам мужского характера. Отелло доверчив не только к Дездемоне или к Яго; он вообще доверчив. Его жизнь простодушна и тем напоминает жизнь поэта. «Но вы не верите простодушию гениев» (VIII, 420) — упрек, обращенный Пушкиным к обществу, к власти. Отношение поэта к царю в середине 1830-х годов, видимо, и есть обманутая доверчивость — А. А. Ахматова давно об этом догадывалась. И новое наполнение фигуры «негра безобразного» в сознании Пушкина подтверждает ее догадку.

А образ прекрасного Иосифа, сновидца и наперсника государя, не испаряется вовсе, но как бы отступает во второй ряд сознания; как бы теплится посреди враждебных ветров. Так, отбирая фрагменты из проповедей Георгия Кониского для первой книжки «Современника», Пушкин останавливается на отрывке, первая фраза которого весьма знаменательна: «Иосиф, проданный братьями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю. . .» (XII, 15). Выписывая эти строки за несколько месяцев до гибели, Пушкин мог мимолетно вспомнить «другую жизнь и берег дальний» — не африканский ли? Времена Петра прошли. Рабы и льстецы теперь приближены к престолу, и нет исхода от «строения фараоновых пирамид <...> под бичами» (XI, 232).

Пройдет полтора века после гибели Пушкина, и наш современник напишет прекрасную поэму о царском арапе. И назовет ее с совершенной точностью, с тончайшим чутьем пушкинской традиции — «Сон о Ганнибале»:

Однажды на балтийском берегу,
Когда волна негромко набегала,
Привиделся мне образ Ганнибала.
Я от него очнуться не могу.
Все это правда и подобье сна,
И мой возврат в иные времена ²⁰.

Размышления о царском арапе и для Пушкина были «возвратом в иные времена». И способом понять себя и свое время.

²⁰ *Самойлов Д.* Весть. М., 1978. С. 87.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995